

Рыцарские латы
Евфросинии Керсновской

Может ли человек, попавший под поезд, остаться живым? Нет-нет, его не задело буфером, не сшибло под насыпь. Он лежал между рельсами и чувствовал, как над ним тяжело и грозно громыхает смерть. К тому же он знал, что последний вагон оснащён стальным штырём, последней преградой к спасению.

Таким человеком была Евфросиния Антоновна Керсновская (1907 Одесса — 1994 Ессентуки), а поезд, прогромыхавший над нею, — ссылка, лесоповал, ГУЛАГ—власть Советов, выбросившая её из оккупированной Бессарабии в 1940 году.

Пожалуй, сравнение моё не полно. Человек под поездом недвижим, только чудо может его спасти. Её и спасло чудо. Но, как отклик на её беспримерную активность. Выжить — да, чудо; запомнить до мельчайших подробностей круги ада — тоже чудо, свойственное её феноменальной памяти, но — воспроизвести в сотнях рисунков и в тексте (полторы тысячи страниц, 12 толстых тетрадей) — это подвижничество, духовный подвиг.

При выходе на свободу она должна была дать подписку о неразглашении, то есть выбросить из памяти всё, что видела и пережила. Это якобы простая формальность, бумажка, которую, страха ради, подписывали все освобождающиеся заключённые. Она не подписала, и её вернули в зону. Она считала, «Человек

стоит ровно столько, сколько стоит его слово». Словами не бросалась. В конце концов, выпустили — с запретом жить в больших городах. Оставшись в Норильске, она тут же взялась за воспоминания. Но чекисты (тогдашний НКВД) держали её на мушке. Учинили обыск и рукопись, уже большую, изъяли. Сохранилась ли она в их архивах, или давно сожжена в печах первой оттепели? В 1964 году Евфросиния Антоновна принялась за воспоминания снова. Пообещав, матери, что напишет обо всём, что ей рассказывала.

И вот, родилось уникальное в своём роде творение, в равной степени запечатлённое в рисунке и в слове. Книга, по силе свидетельства не уступающая солженицынскому «ГУЛАГу». Кстати, и написанная раньше.

Не всё можно выразить словом, рисунок не дублирует, а восполняет текст. Уникальность ещё в том, что рисунки фиксируют реальность с документальной точностью. Она так и говорит: «пытаюсь ”сфотографировать“ то, чему я была очевидцем»

Это не комиксы и не лубок. Это шедевры наивного искусства, в котором нет академической выправки, но чувства и впечатления хлещут через край. Магниева вспышка памяти высвечивает сюжетный рисунок. По одному из них, опубликованному в «Огоньке», узнал своих родителей её крестник. С того времени, когда она виделась с ними, прошло более двадцати лет.

Подобным даром обладал Пушкин. Он рисовал портреты по памяти. Но не столь давней, и в основном рисовал профили. Профиль резче, легче запоминается.

Евфросинию Антоновну никто рисованию не учил и литературному творчеству тоже. Она не была прирождённым художником, хотя в детстве, как многие дети, рисовала. Не чувствовала в себе и писательского призвания. Можно сказать творцом она стала поневоле. Честное свидетельство уже есть творческий акт. Совесть формирует личность, развивая в ней творческие потенции. Её искусство созревало и совершенствовалось по мере осуществления, и в том виде, в котором дошло до нас, не имеет аналогов. В стиле явлены черты её характера, а это признак высокого мастерства: динамичный диалог, резкие характеристики, точность и острота взгляда, беззлобный юмор, самоирония. И что более всего характеризует автора — угол зрения, акцентирующий внимание на главном, на жизненно важном.

«Упрямством можно многого добиться: можно победить голод, усталость, страх.... Но нельзя победить смерть. А эта беспощадная компаньонка моих скитаний, повсюду следовавшая по пятам за своей жертвой, вновь приблизилась ко мне и зашагала со мной в ногу. И шаги мои замедлились, ноги чаще стали заплетаться. Всё труднее стало вытаскивать их из снега и из валежника. Чаще приходилось садиться, отдыхать. И всё труднее вставать после отдыха.(...)»

И вдруг где-то совсем близко заревела корова. Я куда больше была подготовлена к тому, чтобы услышать трубу Архангела. Мычанье какой-то бурёнушки было полнейшей неожиданностью. Думаю, никакая небесная симфония не смогла бы меня поднять на

ноги, а тут я так стремительно вскочила, что если в это самое мгновение Смерть уже склонялась надо мной, то, должно быть, я её здорово огрела затылком по зубам!»

Художник, она не упускает из вида зрительный план, картину, которая втягивает в себя захватывающей реальностью.

К рисунку она пристрастилась, выполняя в лагерной больнице заказы своего шефа хирурга. Ему нужны были изображения внутренних органов человека для защиты своей диссертации. Позже, ей прислали акварельные краски, и она не расставалась с ними, исхитрившись сберечь драгоценную коробочку от бесчисленных шмонов.

Творчество спасительно в заточении. Оно возможно и там, где личность беспощадно уничтожается. Творчество, духовное трудничество наиболее действенная защита в неволе. Можно создать музей художественных произведений узников – от ГУЛАГа до наших дней.

* * *

На судьбу Евфросинии Керсновской несомненно влияло чудесное вмешательство свыше. Ничем иным нельзя объяснить её многократные спасения. Сорвавшаяся с крутого берега лавина брёвен должна бы, разможив её, похоронить под собой.... Но она оказалась в прогале застрявших бревен, и лавина прогрохотала над нею. «Крепко за тебя кто-то молится» — вымолвил, побелевший от страха её напарник. В другой раз она изнурённая зимним бездорожьем и голодом, отведала мёрзлой конины. Ничего кроме

не могла дать ей хозяйка, мать четырёх детей. И мороженое мясо дохлой лошади спасло её. « Вам удивительно повезло, Фросенька, — говорил ей много лет спустя врач терапевт, — сырое мясо, съеденное малыми порциями, было единственной едой, которая не оказалась для вас губельной». И много других чудесных совпадений сопутствовало ей.

«Повезло» — расхожее объяснение позитивистски настроенного ума. Дед Кравченко, её напарник, выразился точнее: «ты заговорённая». И действительно, будто Провидение хранило её, силой духа задавая меру выносливости и защиты: и когда таскала на спине стокилограммовые мешки с цементом, и когда препарировала в морге трупы(1640 вскрытий), и когда защищала кулаками своё и чужое достоинство. Вторую щёку обидчику не подставляла.

Сказались, разумеется, и личные качества: интеллект, физическое здоровье, нравственный стержень.

А что поддерживало духовные силы? Что их питало?

На краю проруби, в которую уже решилась шагнуть, вдруг отшатнулась, увидев глубоко подо льдом свивающееся в воронки, шуршащее течение Стикса. « Боже! – прошептала я, сложив, как в детстве для молитвы руки. – Боже! Укажи, что мне делать? И что бы ни случилось, да будет воля Твоя!» И тотчас почувствовала ласковое прикосновение чьей-то руки... «Мама! Живая или мёртвая, но душа её со мной и молитва её в критические минуты моей судьбы придаёт мне силы».

Однако заметим, что первая отрезвляющая ассоциация – Стикс. В переводе с греческого — ненавистный. Река, текущая во тьму преисподней. Культура из закоулков памяти, пронизанная религиозным чувством, подавала ей знаки спасения.

Из провала душевных потрясений она, выбирается, можно сказать, усилием голосовых связок, она – поёт. Она и на свободе любила петь — в поле, работая в винограднике... Но здесь, за колючей проволокой.... Сила духа прорывается в певческом даре.... Русские песни не дают ей, смертельно усталой, упасть в штрафном изоляторе, загаженном человеческими испражнениями.

Духовная энергия аккумулировалась в мелодическом звуке. Святой Максимилиан Кольбе в фашистском лагере, в последние дни перед смертью *пел* молитвы. Молитвенный голос поддерживал угасающий дух и его, и его обречённых сокамерников. А ей, в безвыходных ситуациях, на память приходили слова любимых песен, или стихи. Ритм противостоит хаосу. Гармония опровергает абсурд происходящего.

Это наследственное. Мама её, когда умирала, просила поставить пластинку с оперой «Иван Сусанин». И уже не в силах подпевать, слабеющей рукой дирижировала: «Ты взойди, моя заря, последняя».

Странностью покажется её беспредельная честность. На кормление больных поросят выделялось молоко, которое она размешивала с кашей и кормила поросят с ложечки. Сама полуголодная, слабая, не смела воспользоваться молоком в свою

пользу, слёзы текли по её лицу и она, «чтобы противостоять соблазну», пела.

В кабинете следователя, который «лепил» ей очередной срок, из репродуктора, вдруг, прорвалось до боли знакомое: «Песня Сольвейг», адажио из «Лебединого озера».... Музыка привела её в чувство, и она уже готовая согласиться с абсурдными обвинениями, решительно их отвела. Она вспомнила вечер в семейном кругу, маму у радиоприёмника, «поймавшую» музыкальную радиопередачу. В той же последовательности звучали Григ, Сен-Санс, Чайковский. Музыка была маминой природой – гармонической и счастливой. «Образы, возникшие в душе под влиянием этой музыкальной сюиты, и были тем порывом ветра, который развеял гипноз «духа извращённости», влекущего меня в пропасть». Образы, которые предстали ей впервые в атмосфере любви и семейного благополучия.

Не однажды, измороженная лагерным произволом она повторяла стихи Алексея Толстого:

Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!

Культура в необозримо широком спектре была опорой её духа. Как все дворянские дети она училась в гимназии. Знала языки – английский, немецкий, итальянский, румынский, французский почти также, как русский. Кроме того, была прекрасно начитана. Её любимые герои Дон-Кихот, д, Артаньян, Жанна д, Арк. Девиз святой Жанны носила в сердце: «Выполняй свой долг и будь что будет». Но надо знать *священные обязательства долга*, чтобы

избежать своеволия. Фрося впитала их с молоком матери. Родители научили её «любить правду и идти лишь прямым путём». «К счастью моральный фактор играл для меня всегда главную роль. Я говорю — «к счастью», потому что он всегда облегчал выбор пути и образ действия. Мне никогда не приходилось мучиться сомнениями и раскаиваться в принятом решении, так как путь, по которому я шла, мог быть только тот, который указывала мне совесть».

Кажется, будто в её арсенале задействована вся мировая литература. Она обращается к Данте, Шиллеру, Эдгару По, Марку Твену, Дюма, братьям Гримм, Бернару Шоу, Кипплингу, Бичер-Стоу (к этой с нескрываемой иронией: что стоит жизнь негров в Америке, описанная Бичер Стоу, в сравнении с жизнью туземцев советского Гулага), Джеку Лондону, Виктору Гюго, Жуковскому, Гоголю, Лермонтову, Некрасову, Маяковскому, (за уничижительную характеристику поэзии которого схлопотала второй срок); приводит примеры из греческой мифологии, из римской истории. Спартанцы были идеалом её юности. Фон исторических и культурных ассоциаций накладывается на чудовищную картину человеческого безумия, встающего перед глазами.

С Пушкиным не расстанется. Пушкинские строчки слетают с губ. Иногда неточно, что только подтверждает их привычное употребление. Нет нужды сверяться с подлинником, они давно стали своими. Пушкин для неё своего рода индикатор: «я не встречала, пишет она, ни одного подлеца, который бы умел ценить

Пушкина». Неожиданный критерий оценки Поэта. И, наверное, точный. Следовательно, назвавший себя поклонником Пушкина, оказался-таки подлецом.

Какое место занимал Пушкин в семье Керсновских, можно судить по слову матери, обращённому к Фросе, когда они расставались. У неё, убитой предстоящей разлукой, вырвалось: «ты моё всё». Так сказал Аполлон Григорьев о Пушкине — «наше всё». Неслучайный перифраз.

Порой ей кажется, что красота в неволе «перестает существовать». Человек, изнурённый голодом, холодом и невыносимым трудом, не замечает ни красок, ни чётких линий. Но это временное затмение. В полутёмном бараке она видит луч заходящего солнца. «Сон уже мутил моё сознание, но я сопротивлялась, потому что хотелось ещё немного полюбоваться пляской золотых, переходящих в оранжевый цвет пылинок». И это после кошмарного многодневного этапа, где она чуть не погибла. Потребность «полюбоваться» у художника сильнее всех биологических потребностей. Красота неистребима для человека, если не убит орган её восприятия.

Одним из вершителей её судьбы оказался её художественный дар. Уже отбывшая срок, но не выпущенная из лагеря, она часто и подолгу, рисовала, сидя на нарах. За этим неуместным занятием её застало высокое начальство, генерал в золотых погонах. У генерала, видно, был художественный вкус, он оценил её рисунок, и на следующий день её освободили.

* * *

Убить Хохрина – палача и выродка, наследие сатанинской власти. И, возможно, убила бы, если бы увидела его глаза, а не голый затылок. На рисунке плешь сияет, как медный таз призывно и беспомощно. Но, не только медный затылок остановил руку с топором, а внезапная мысль об отце, чей пример был для неё «всегда лучшим компасом». «Папа! Я – не убийца...»

Я уверен, здесь действовала та же сила, что остановила руку праотца Авраама с занесённым ножом. Хотя жертвы далеко не тождественны. Бог не хочет никакой человеческой жертвы. Это был решающий момент в её судьбе. Испытание, из которого она вышла победителем.

Хохрин начальник леспромхоза, от него зависели сотни бесправных ссыльных. Он, с выгодой для себя, увеличивал норму их дневной выработки, штрафовал, обрекая на голодную смерть. Обычный служака, правда, с садистским вывертом, каких власть поставила надзирателями над миллионами арестантов и ссыльных. Много ли в России таких хохриных? Много, миллионы, в чём она убедилась не сразу, ибо не хотела верить.

Она не хотела верить в несметное множество хохриных с первых дней оккупации, когда коммунисты устанавливали в Бессарабии новый порядок. Фрося не верила в силу зла, ибо, как заметила её опытная соотечественница, по-настоящему с ним никогда не сталкивалась. Кроме того, советская пропаганда умело и тонко облапошивала граждан из соседних государств. Фрося вела себя, как страус, только прятала голову от грозных событий не в песок,

а в работу. Она хотела быть «полноправным полезным гражданином своей страны», и оказалась её рабом, её позорным пасынком.

Впервые осознала это, вкусив плоды сибирского гостеприимства. Восемь месяцев она была в бегах, скитаясь по тайге, натываясь на редкие русские селения. И там, где просилась на ночлег, часто слышала: « проходи мимо, или собак спуцу». Отношение коренного населения к бежавшим советским каторжникам описано Солженицыным в «Архипелаге». Местные жители охотно сдавали их властям за вознаграждение. Фросе не раз грозила такая участь, и она ночевала в чистом поле – в снегу, в стоге сена, или в тайге под деревом. Человеческий кров – за редким исключением – был опаснее, чем стог сена. Зарыться в родные травы, и поскорее уснуть, слыша, как снаружи беснуется снежный буран. Что есть родина, за которую «можно умереть, если она стоит того, чтобы в ней жить...»? Любящая мать или нещадная мачеха? Или это заснеженное травяное убежище, с душистым, памятным с детства, запахом?

А может, Великая Гарь, безбрежная чёрная трясина? Она брела по ней более суток в полузабытьи, окружённая призраками – обгоревшими пнями. Брела по бугристому ледяному болоту, чувствуя, что Кто-то есть рядом, Кто-то говорит с ней. Мистическое ощущение не покидало её. Кто-то хранил её в ледяной пустыне, в недрах обугленной родины. Порой она видела себя со стороны, как души умерших видят покинутое ими тело. Маленькая фигурка, толкалась и двигалась в завалах снежной

тайги.

Именно в это время прозорливая гадалка за тысячи километров отсюда, говорила её матери, «что видит женщину, перепрыгивающую с льдины на льдину и бегущую через широкую реку». И такое было на самом деле.

«Родина – это мать. Каждому хочется видеть свою мать доброй, умной, справедливой. Хочется доверчиво идти туда, куда тебя ведёт твоя мать. И вдруг она оказывается вурдалаком и ведёт тебя в трясины!»

В трясины, где правит закон уголовников. За исполнением закона следят назначенцы, как в зоне, поощряемые лагерной властью, урки. Такой закон создаёт видимость порядка. Начальству, на всех государственных уровнях, только такой и нужен. Без помощи уголовников, социально близких, власть не справляется с бесправным населением. Власть-самозванка, изначально была уголовным коудлом, во главе которого стоял пахан.

Модель устрашающего сдерживания существует и сегодня в армии. Дисциплина поддерживается насилием дедовщины. Почему с ней по существу никто не борется. Упраздни дедовщину, армия, основной контингент которой собран насильственно, распадётся. Не удержатся ни контрактники, ни сверхсрочники.

В ледяные объятья угодила Ефросинья Керсновская, посчитавшая себя однажды «настоящим советским человеком». Нет, умирать за такую родину она не хотела....

Им, обездоленным, казалось, что каторжная Сибирь страшнее

гитлеровских газовых камер, потому что ссыльных душили свои, соотечественники — бесчисленные хохрины.

* * *

В кузове машины, увозящей её из родных мест, она перекрестилась. Инстинктивно, не думая о Божьем благословении перед неведомой дорогой. Вера была её второй натурой, глубоко и счастливо усвоенная в христианской семье. Не набожность, цепляющаяся за внешние аксессуары, сестра суеверия, а безотчётное действие, послушное воле Всевышнего.

Она не очень хорошо знала Евангелие, с трудом вспомнила Символ веры, могла ошибиться в молитве, завещанной Христом. И ошибку не исправила, когда писала воспоминания. Обращение «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» она полагала первой просьбой, с которой мы обращаемся к Господу. И никто из её первых читателей не обратил внимания на эту неточность. Это говорит ещё о том, что она словами этой молитвы, которая входит в обязательное правило, никогда не молилась. И, наконец, странное утверждение с многоточием: «А вот на вопрос «Что есть истина?» ещё никто не ответил....» Ответил Христос — Пилату, своим молчаливым присутствием. А ещё раньше ответил своему ученику Фоме: «Я есмь путь и истина, и жизнь» (Иоанн 14.6.)

Евангелие не было её настольной книгой. Литературу она знала лучше. Но это была литература, возвращенная евангельской вестью. Евангелие не было настольной книгой у русской интеллигенции, которая исповедовала христианскую мораль гуманистического

толка. Думая о своей личной и общей беде – о причинах русской трагедии, Евфросиния Антоновна не исключала причастности к ней сословия, к которому принадлежала: « наша интеллигенция всё делала для того, чтобы привести Русь к царю Сталину и его опричнине». Эта мысль подтверждает точку зрения Бердяева, которого она наверняка не читала. Бердяев писал: « С русской интеллигенций в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». И, тем не менее, сквозь тягу к справедливости и общественному добру, воля и совесть Керсновской устремлены к абсолюту. К истине. Почему она и задаётся вопросом «что есть истина?».

Она может ошибиться в определении. Чувство собственного достоинства, попираемого на каждом шагу, называет гордостью. Но именно достоинство, — своё и других, — соизмеримое с высшей божественной ценностью, она, бросается защищать, рискуя жизнью. Не было Евангелия, но была чуткая совесть, тянущаяся к Христу.

У Бориса Пастернака есть строки: «Всю ночь читал я Твой Завет, и как от обморока ожил». Бессарабия в отличие от Советской России не пребывала в безбожном обмороке, пока туда не вошла русская армия. И лучшие люди, угнанные в Сибирь, сохранили в себе нравственную основу, как, и большинство прибалтийских переселенцев, особенно литовцев. Бессарабия была областью Румынии, частью европейского культурного ареала. В изгнании дух

Христов, лишённый опоры в Евангелии и богослужении, удерживался верой. Такая вера, её можно назвать анонимной, непосредственно питаемая Духом Христовым возможна в том случае, когда она заложена в детстве, в культуре. И, если лишается внешней опоры, то всё-таки не рушится.

Конечно, напомню, здесь имели место и личные качества. Её таланты и характер, доставшиеся от предков — поляков по отцовской линии и греков по материнской. Не русская по крови, она была воспитана русской культурой, и Россию считала своей родиной, хотя многое не понимала в ней. Почему на плодородной земле люди живут впроголодь? Почему в стране с великой культурой, столько зла и изуверства? Почему на фоне ликующей и богатой природы народ задавлен страхом? Могла бы ответить словами любимого Пушкина: «Сбились мы. Что делать нам? В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам». Но почему же бес главенствует и верховодит в стране крещёной без малого тысячу лет?...

В Норильске её удивил молодой человек, считавший, что человечество может спасти только христианская любовь и всепрощение. Такого сочетания она не могла принять, пережившая столько загубленных жизней, встретившая столько палачей.

Что-то другое удерживало её на высоте. Не давало опуститься в грязь.... Не всепрощение, а защита попорченной чести — рыцарская отвага. Вот случай, который можно считать символическим.... Впрочем, символична вся её жизнь, каждый из поворотов её судьбы — символ. Колонна женщин возвращается из шахты, со

смены. Дождь размыл дорогу и под ногами хлюпающая жижа. Охранник из блатных, издевательства ради скомандовал: ложись! За непослушание, известно: пуля. Все — кто на коленях, кто, опираясь на руки, кто, полусидя, погружаются в дорожную жижу, она — стоит. «Ложись, кому говорю! Или...» Дуло винтовки, чуть ли не касается её лица, в глазок прицела она видит мутный зрачок смерти. Но — стоит. И тут выпорхнула из лужи её напарница, худющая похожая на воробышка женщина. «Нет! Не смеешь её убивать! Не смеешь!» И конвоир отступил. Одна за другой стали подниматься женщины. Бесстрашие порождает бесстрашие, пусть не у всех.

Точно такую ситуацию описала в стихах Елена Владимирова, колымская каторжанка.

Спокоен, прям и очень прост,
Среди склонённых всех
Стоял мужчина в полный рост,
Над нами, глядя вверх.

.....

.... высокий и прямой,
Запомнился навек
Над нашей согнутой спиной
Стоящий человек.

В той преисподней были люди, которые не шли на поводу у беса. Будто слышали голос Христа: « Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. » (Мф.10.28).

* * *

Чистая душа Дон-Кихота оставалась незапятнанной в бесконечных передрягах и потасовках. Рыцарь печального образа телесные повреждения переносил стоически. Он, перешагнувший литературу, сопутствовал всей жизни Евфросинии Антоновны. В детстве она задала трёпку своему старшему брату за то, что тот смеялся над его подвигами. Биться за правду — это без дураков, это серьёзно, как бы ни выглядело смешно и дико со стороны. Это запало с детства.

Судьба носителей идеала в мире прагматическом — трагична. А в мире узаконено-преступном немислима. Но всё же и там рыцарский дух неистребим.

Идея благочестия и добродетели, заложенная христианской этикой, облеклась в средневековой Европе в рыцарские доспехи. Возникшая в аристократической среде, она потрудила на поле брани несколько столетий, затем, воспарив на крыльях в романтическую эпоху, приземлилась в эпоху революционную, где в России угодила в трясины ГУЛАГа. Тетради Керсновской и есть описание героических странствий по кругам ада. Рыцарский дух неискореним в земной юдоли. Однако геройское бесстрашие не противоречит христианскому подвижничеству. Дон-Кихот Ламанчский это не Франциск Ассизский, но идеалы их во многом совпадают.

Вспоминается священник из романа Арчибальда Кронина «Ключи царства». Духовный опыт, в котором сбалансированы

отвага и смирение. Смирение не исключает сопротивления. И наоборот. Человек смиряется перед Богом, а не перед Его врагом.

Всё, что с ней происходило, она принимала, как волю Божию. Это ли не смирение! Но, не пасуя перед злом. Мать, уркачку, которая пыталась задушить своего ребёнка, измордовала, «истрепала, как крысу». Разве подобная реакция противоречит воле Божьей?..

Нисколько. Но Евфросиния сокрушается, и корит себя за донкихотство, не видя пользы от своих усилий. Та самая мать, время спустя, ребёнка своего всё-таки задушила.

Удары сыплются на неё со всех сторон, её выбрасывают с работы, с каждого места, где спасала людей и была невосполнимо полезной. Она мешает начальству своей непререкаемой правдой. «Может быть, это было донкихотство, но именно в этом, как и во всём прочем, я компромиссов не допускала».

Когда её приговорили к расстрелу и — предложили написать просьбу о помиловании, она на поданном чистом листе начертала: «Требовать справедливости — не могу, просить милости — не хочу». «Дон-Кихот оставался в своём репертуаре» — оценивает она этот поступок годы спустя. А в тот момент никаких рефлексий. Действие прямое, как копьё, в руке рыцаря, выбитого из седла.

Приведу случай из другой, не менее поучительной жизни. Ученик четвёртого класса Алик Мень, будущий священник, отказался вступать в пионеры. На линейке, когда все, сделали ”зиг хайль“, и произносили клятву, он стоял, опустив руки, и молчал. Он переживал инстинктивное отвращение к этому ритуалу. А было

сталинское время... В школе инцидент замяли, а то ведь «смели бы всех, вместе со школой». И, прежде всего родителей. Мать, христианка, сказала ему — поступай, как знаешь. Вера, послушная воле Божьей, действует всегда безошибочно, всегда в зоне риска.

Рыцарская отвага удерживала на высоте её сопротивление. Не зря среди её польских предков были рыцари, доблестные свойства которых унаследовали её дед и отец.

Но при этом она понимала, что «чуть ли не ежедневно пыталась плетью перешибить обух». Что принимает бой «с открытым забралом, более бессмысленный, чем любое из выступлений Дон-Кихота». Сознание бесполезности поступка не останавливало её. По логике и здравому смыслу — да, бесполезно, а по совести — иначе нельзя.

* * *

Несколько раз она была на грани самоубийства. Вот и сейчас, овладев пистолетом следователя и уже оттянув предохранитель, на секунду задумалась, куда выстрелить в сердце или в висок? Решила уйти. Бесповоротно. Последней каплей, сломавшей хребет её выносливости, было то, что увидела в комнате, где проверяют — перлюстрируют — почту. Женщины, обязанные прочитывать письма по заданию: пропускать-не пропускать, большую часть писем не читали, а рвали и сбрасывали в корзину. Это были в основном треугольники, письма с фронта. От защитников родины к

своим родным, упрятым за колючую проволоку. Женщины проделывали это автоматически – серая безликая карательная машина. Керсновскую напрямую их действия не касались, ей никто не писал. Она даже считала себя счастливой оттого, что страдала одна, что никто не разделял её страдания. Была уверена, что матери нет в живых.

Но сейчас сдалась. Боль за других сломала её. Свою боль несла, за других не вынесла. И вот, мгновение — перед тем, как нажать на курок. В кабинете следователя раскрытое окно, а в окне «небо голубое, каким оно бывает в начале лета, по нему плывут белые облака, как паруса, надутые ветром. И как было всегда и как всегда будет, — пара ласточек, чьё гнездо, очевидно, находилось где-то поблизости, занимались своим радостным трудом: суетились, нося мошек своим птенцам, и лишь изредка усаживались на провода...».

Нотная линия проводов, на которой ласточки, как щебечущие ноты. Ассоциативный музыкальный ряд, наполненный непреходящим смыслом. За окном простиралась дивная красота, сотворённая Создателем. «Это и было чудо – красота настоящая, вечная и простая». Впору перекреститься, а у неё в руках пистолет.... Нет, она причастна этой вечной жизни, и отречься от неё не смеет! Она отбросила пистолет на диван, и следователь услышал шмякнувший звук. Пусть он распоряжается своим оружием, как хочет.

Жест? Донкихотство? Нет, трезвый, подсказанный свыше, выбор.

Немая сцена, потрясающе выразительная: раскрытая кобура, из которой Фрося двумя пальцами вытянула пистолет, следовательно, не заметивший пропажи и склоненный над протоколом; вдруг метнулся ошпаренной кошкой за пистолетом, толком не понимая, что произошло. Откуда он шлёпнулся на диван? Керсновская глядит в другую сторону, в окно, спокойная, готовая отвечать на вопросы. А на самом деле видит всё в отражении стекла. Но, главное, видит небо и гонимые ветром паруса облаков. **Вот её угол зрения!** В свете голубого неба кабинет следователя предстаёт смехотворно нестрашным, а попытка самоубийства — минутным казусом. Этот, который с пистолетом, такого неба никогда не увидит. Как Пилат не увидел Истины, стоящей перед ним.

Нет, она не умрёт, испытавшая на грани отчаяния благоговение перед жизнью.

* * *

Женщина, обретшая силу и характер мужчины. Фрося и в Бессарабии трудилась за десятерых. Всё хозяйство держалось на ней — поля, выпасы, скотина. Когда красноармейцы, застав её во дворе с вилами, в поту и в соломенной трухе, спросили, а где у вас тут барин? Она, зная цену физическому труду, ответила: барин — это я.

Мужское начало заметно в её натуре. Она, будто подчёркивала его, изображая себя на рисунках в гимнастёрке, брюках и сапогах. А уж там, где орудовала кулаками, проявились явно не женские бойцовские качества.

Природа и здесь пришла ей на помощь. У неё исчезла грудь и прекратились месячные. Этот «курьезный — как она пишет — факт самозащиты организма», продолжавшийся четыре года, помог ей адаптироваться в узилище, одолеть начальные тяготы рабства.

На гнусности плотской любви, которой хватает и в неволе, на всякого рода коблов и жучек, смотрела с отвращением. Она была девушкой. Невестой Христовой. Завещала похоронить себя в белых одеждах. Что было исполнено.

Невеста Христова сражалась за дело Христово. Именно сражалась. Самоотверженно и по-мужски. Чего так не хватает теплохладному христианству, не выпускающему Евангелие из рук. Об этом хроническом изъяне писал, вторя Бердяеву, французский философ Эмманюэль Мунье. «Тот, у кого никогда не вскипала кровь, не поймёт христианства. Тот, кто никогда не хотел биться за свою любовь, любит наполовину. Тот, у кого никогда не возникало внезапного желания убить, весьма абстрактно представляет себе христианское прощение».

Она не святая, не Жанна д. Арк. И не кавалер-девица Надежда Дурова, к которой благоволил Пушкин. Она дистанцируется и от своего любимого Дон-Кихота. Её противоборство не сравнимо ни с чьим. Как ни с каким другим временем несравним русский XX век в своих безднах и высях.

* * *

Сыромятный ремень, стянувший в запястьях руки за спиной, а другим концом захлестнутый за шею. Профессионально затянутая удавка. Это ей наказание за то, что заступилась за святое, за память об отце. Пошевелишь рукой — сдавливает горло. А не пошевелинуть нельзя, затекли и онемели пальцы.

«И никто не посмел ослабить петлю на шее».

В тот раз она упала, потеряв сознание. Её привела в чувство железная струя воды, ударившая в лицо. Но бесчисленные удары только увеличивали её силы, выковывали латы — покрепче тех, в которых сражались её предки.